Ганс Христиан Андерсен

Сын привратника

Генеральская семья проживала в бельэтаже, семья привратника — в подвале. Их разделяло большое расстояние — весь первый этаж, да табель о рангах. Но все же обе семьи жили под одной крышей, и из обоих жилищ открывался вид на улицу и во двор. На дворе была лужайка, а на ней росла цветущая акация — цветущая в пору цветения. Под нею часто сиживала в летнее время разряженная мамка с еще более разряженной генеральской дочкой, малюткой Эмилией. А перед ними выплясывал босоногий, черноглазый, темноволосый сынишка привратника. Малютка улыбалась ему и протягивала ручонки; случалось увидеть в окно такую картинку самому генералу, он кивал головой и говорил: «Charmant!» Молодая же генеральша — она была так молода, что могла бы быть дочкой своего мужа от раннего брака, — никогда не смотрела из окна во двор, но раз навсегда отдала мамке приказание, чтобы она позволяла мальчику из подвала забавлять малютку, но отнюдь не дотрагиваться до нее. И мамка строго соблюдала приказ.
А солнышко одинаково светило и в бельэтаж, и в подвал; акация цвела, потом цветы опадали, но на следующий год появлялись новые. Дерево цвело из года в год, цвел и привратников сынишка — ни дать ни взять свежий тюльпан!
Генеральская же дочка была бледненькая, нежненькая, как бледно-розовый лепесток акации. Теперь она редко появлялась во дворе под деревом — она дышала свежим воздухом в карете, катаясь вместе с maman. Увидя из окна кареты привратникова Георга, она всегда кивала ему головкой и даже посылала воздушные поцелуи, пока мать не объявила ей, что она уже слишком велика для этого.
Раз утром Георгу пришлось подняться к генералу с газетами и письмами. Проходя мимо чуланчика под лестницей, он услышал там какой-то писк и подумал было, что туда забился цыпленок. Но оказалась, что там всхлипывает генеральская дочка в кисее и кружевах.
— Только не говори папе и маме — они рассердятся! — сказала она.
— О чем, барышня? — спросил Георг.
— Все сгорит! — ответила она. — Там горит!
Георг отворил дверь в детскую — оконные занавески почти все обгорели, карниз пылал. Георг подпрыгнул, сорвал занавески, созвал людей. Не будь его, вспыхнул бы настоящий пожар.
Генерал и генеральша подвергли Эмилию допросу.
— Я только взяла одну спичку, чиркнула, она сейчас загорелась и занавеска тоже! Я стала плевать на нее, чтобы потушить, плевала, плевала, но у меня не хватило слюней... Тогда я убежала и спряталась — я боялась, что papa и maman рассердятся!
— Плевала, плевала! — заметил генерал. — Это еще что за слово? Ты его слышала когда-нибудь от papa или от maman? Это все оттуда, из подвала!
Маленькому Георгу все-таки дали целых четыре скиллинга. Он спустил их не в булочной, а в копилку, и скоро там набралось их столько, что он мог купить себе ящичек с красками — раскрашивать свои рисунки, а рисовал он много. Картинки как будто сами собой сыпались на бумагу с кончика его карандаша. Первые же раскрашенные рисунки пошли в подарок Эмилии.
— Charmant! — изрек генерал, и даже генеральша была принуждена сознаться, что можно догадаться, что именно хотел изобразить мальчуган. «В нем есть талант!» — вот с каким известием вернулась в подвал жена привратника.
Генерал и генеральша были люди знатные; на карете их красовалось целых два герба — у каждого из супругов был свой. Генеральшин герб красовался и на всем ее белье, даже на ночном чепчике и туалетном мешке. Ее герб был такой драгоценный! Он стоил ее папаше много блестящих червонцев — ни папаша, ни даже дочка не родились с гербом; она появилась на свет за семь лет до

приобретения его папашей. Это отлично помнили все, кроме их самих. Герб же генерала был древний и крупный. И один-то герб довольно тяжело носить на себе, а тут их было целых два — поневоле затрещишь по всем швам! И немудрено, что разряженная, гордая генеральша выезжала на придворные балы с таким шумом и треском.

Генерал был стар и сед, но хорошо держался на седле. Он это знал и ежедневно выезжал верхом в сопровождении слуги — на почтительном расстоянии. Являясь в общество, он тоже держал себя так, как будто смотрел на всех с высоты седла. Орденов у него было столько, что просто уму непостижимо; сам он, впрочем, был тут ни при чем. Он вступил на военное поприще еще очень молодым человеком и участвовал во всех больших осенних маневрах в мирное время. От этой эпохи у него сохранялось еще воспоминание, анекдот, единственный, который он знал и рассказывал. Его унтер-офицер отрезал и взял в плен одного из принцев, и этому пришлось со своим маленьким отрядом въехать в город позади генерала в качестве его военнопленного. Об этом-то незабвенном происшествии генерал и рассказывал вот уже многие годы, никогда не забывая привести памятные слова, которые были при этом сказаны. Генерал, возвращая принцу шпагу, сказал: «Только мой унтер-офицер мог взять в плен Ваше Высочество; я — никогда!» А принц ответил: «Вы несравненны!» На настоящей же войне генерал никогда не бывал; когда шла война, он шел дипломатической дорогой и прошел три иностранных двора. По-французски он говорил так хорошо, что почти забыл свой родной язык, отлично танцевал, ездил верхом, и ордена вырастали у него на груди, точно грибы. Солдаты отдавали ему честь, и одна из первых красавиц отдала ему честь — сделалась генеральшей. Скоро у них появилась прелестная дочка, словно упавшая с неба, — так она была прелестна! Едва она начала понимать, сынишка привратника стал выплясывать перед нею во дворе, а потом, когда она подросла, дарить ей все свои раскрашенные картинки. Она принимала их, играла ими и рвала в клочки. Она была такая миленькая, нежненькая!

— Мой розовый лепесток! — говорила генеральша. — Ты рождена для принца!

А принц-то уж стоял за дверями, только никто не знал этого. Люди не видят дальше порога.

— А намедни наш мальчуган поделился с нею бутербродом! — сказала жена привратника. — Он был без сыра, без мяса, но понравился ей, что твой бифштекс! То-то бы содом поднялся, узнай об этом генерал с генеральшею! Но они не узнали!

Да, Георг поделился с Эмилией бутербродом; он бы поделился с ней и своим сердцем, знай только, что это доставит ей удовольствие. Он был мальчик добрый, развитой, умный и уже посещал вечерние рисовальные классы, чтобы хорошенько научиться рисовать. Эмилия тоже преуспевала в науках: она говорила по-французски со своей бонной и брала уроки у танцмейстера.

— К Пасхе Георг наш будет конфирмован! — сказала жена привратника. Вот как успел вырасти Георг.

— Хорошо бы потом отдать его в ученье! — заметил отец. — Надо только выбрать ремесло почище. Ну, и тогда — с хлеба долой!

— Но он все же будет приходить домой ночевать! — возразила мать. — Нелегко-то найти мастера, который бы взял его к себе совсем. Одевать его нам, значит, тоже придется. Так уж найдется у нас для него и кусок хлеба, пара печеных картошек — он и доволен! Учится же он и теперь задаром. Пусть его идет своей дорогой; увидишь, как он порадует нас! Это ведь и профессор говорит!

Платье для конфирмации было готово; мать сама сшила его, кроил же портной, а он хорошо кроил, даром что должен был по бедности своей пробиваться починкой старой одежды. Поставь он себя иначе да будь в состоянии держать мастерскую и подмастерьев, говорила жена привратника, он мог бы стать придворным портным!

Итак, платье сшили, и Георг конфирмовался. В день конфирмации он получил от самого богатого

из своих крестных отцов, старого приказчика, большие томпаковые часы. Старинные они были, испытанные и имели привычку забегать вперед, но это лучше, чем отставать. Это был дорогой подарок! От генеральской семьи тоже явился подарок — псалтырь в сафьяновом переплете. Прислана она была от имени барышни, которой Георг дарил картинки. На первой, чистой, страничке книги было написано его имя и ее имя с прибавлением «благосклонная». «Георгу на память благосклонная Эмилия». Написано это было под диктовку генеральши. Генерал прочел и сказал: «Charmant!».

— В самом деле, это большое внимание со стороны таких важных господ! — сказала жена привратника, и Георга, как он был — в новом наряде и с псалтырью в руках, — послали благодарить господ.

Генеральша сидела вся закутанная: она страдала своей обычной «ужасной мигренью», как и всегда, когда ей было скучно. Но все-таки она взглянула на Георга очень ласково и пожелала ему всего хорошего, а также — никогда не страдать такой головной болью, как она.

Генерал расхаживал в халате, в ермолке и в русских сапогах с красными отворотами на голенищах. Он прошелся по комнате раза три, предаваясь собственным мыслям и воспоминаниям, потом остановился и сказал:

— Итак, Георг стал теперь членом христианского общества! Будь же честен и уважай начальство! Состаришься, можешь сказать, что этому учил тебя генерал!

Длиннее этой речи генералу никогда не приходилось держать. Проговорив ее, он опять углубился в себя и принял важный вид.

Из всего виденного наверху сильнее всего запечатлелась в памяти Георга барышня Эмилия. Как она была мила, нежна, воздушна, изящна! Если срисовать ее, так уж разве на мыльном пузыре. От ее платья, от золотистых локонов пахло духами, ни дать ни взять как от только что распустившейся розочки! И с нею-то он когда-то делился бутербродом! Она уничтожила свою порцию с жадностью, не переставая благодарно кивать ему головкой, — говорить с набитым ртом было неудобно.

Помнит ли еще она об этом? Конечно! Красивая книжка была ведь подарена ему «на память». И вот в первое же новолуние после Нового года он вышел на двор с хлебом, медным скиллингом и псалтырью и раскрыл книгу наугад — что-то ему выйдет? Книга раскрылась на благодарственном псалме. Он опять закрыл псалтырь, чтобы загадать на Эмилию, но постарался при этом не открыть книги в том месте, где были похоронные псалмы. И все-таки она открылась как раз там! Конечно, верить этому было нечего, но он все-таки струсил порядком, когда вслед за тем Эмилия слегла и к воротам стал каждый день подъезжать экипаж доктора.

— Не вылечить им ее! — говорила жена привратника. — Господь Бог знает, кого Ему прибрать к себе!

Но ее удалось вылечить! И вот Георг опять принялся рисовать и отсылать ей картинки. Между прочим, он нарисовал царский дворец, древний Московский Кремль с башенками и куполами, похожими на гигантские зеленые и вызолоченные огурцы, — так по крайней мере выходило по рисунку Георга. Эмилию эти картинки очень развлекали, и через неделю Георг прислал ей еще несколько. На всех были нарисованы разные здания: глядя на них, она могла дать волю фантазии — сама рисовать себе, что происходит там за стенами и окнами.

В числе рисунков был и китайский домик в шестнадцать этажей, весь увешанный колокольчиками, и два греческих храма, окруженных стройными мраморными колоннами и террасами, и норвежская церковь, причудливой постройки, вся из бревен; лучше же всего был «Эмилин замок». В нем она должна была жить сама. Георг придумал для него особый стиль — смесь всего красивого из всех других стилей. От норвежской церкви он взял покрытые резьбою бревна, от греческого храма — мраморные колонны, от китайского домика — колокольчики, а от царского Кремля —

зеленые и золотые купола.
То-то был детский замок! И под каждым окошком было подписано: «тут Эмилия спит», «тут танцует», «тут играет в гости» и т. д. Вот-то весело было разглядывать все это! И рисунок-таки разглядывали.
— Charmant! — сказал генерал.
Но старик граф (был еще старый граф, куда важнее самого генерала, владевший замком и поместьем) не сказал ничего, хотя при нем и говорили, что рисунок придуман и нарисован маленьким сынишкой привратника. Не очень-то он, впрочем, был мал — он ведь уже конфирмовался. Старик граф только посмотрел на рисунки и намотал себе все слышанное на ус.
И вот один серенький, ненастный день оказался самым радостным, светлым днем в жизни Георга. Профессор Академии художеств призвал его к себе.
— Послушай, дружок! — сказал он. — Поговорим-ка! Господь одарил тебя способностями, он же посылает тебе и добрых покровителей. Старик граф, что живет на углу, говорил мне сегодня о тебе. Я тоже видел твои рисунки... Ну, на них-то мы поставим крест — в них много найдется погрешностей! А вот теперь ты можешь два раза в неделю приходить в мою рисовальную школу и скоро выучишься рисовать получше. Я думаю, однако, что в тебе больше задатков для архитектора, чем для художника. Ну, да со временем сам увидишь! Но смотри, сегодня же сходи в угловой дом к графу поблагодарить его, да поблагодари и Бога за такого покровителя!
На углу стоял огромный дом; над окнами красовались лепные слоны и дромадеры; все носило отпечаток старины. Но старый граф предпочитал наше время со всем, что в нем было хорошего, не разбирая, откуда оно идет — из бельэтажа, из подвала или с чердака.
— Право, кажется, чем кто знатнее, тем тот и проще! — сказала жена привратника. — Как просто держит себя старый граф! Говорит ну вот как ты да я! Генерал с генеральшею так не могут! Георг вчера в себя прийти не мог от восторга — так мило граф с ним обошелся! Да и я сегодня, после милостивого приема его сиятельства, тоже сама не своя! Ну, не хорошо ли, что мы не отдали Георга в ученье? У него такие способности!
— Да, но ему нужна помощь со стороны! — заметил отец.
— Помощь у него будет! — ответила мать. — Граф насчет этого так ясно и милостиво выразился!
— А все-таки вышло-то все благодаря генеральской семье! — заметил отец. — Ее тоже надо поблагодарить.
— Отчего же не поблагодарить! — ответила мать. — Только, по-моему, не за что особенно! А вот Господа Бога так я поблагодарю от всего сердца! Поблагодарю Его и за то, что барышня Эмилия поправляется!
Да, генеральская дочка быстрыми шагами шла вперед по пути выздоровления; шел быстрыми шагами вперед и Георг. В тот же год он удостоился малой серебряной медали, а затем попозже и большой.
— Ох, лучше бы мы отдали его в ученье! — со слезами причитала жена привратника. — Тогда бы, по крайней мере, он остался при нас! И что ему делать в Риме? Никогда-то нам больше не свидеться с ним, хоть бы он и вернулся!.. Да он и не вернется, мое дитятко!
— Да ведь все это для его же счастья и славы! — уговаривал ее муж.
— Спасибо тебе, дружок! — отвечала жена. — Ты только говоришь так, а и сам тому не веришь! И тебе так же горько, как мне!
Так оно и было. Отцу и матери горько было расстаться с сыном, а все только и твердили: «Какое счастье выпало молодому человеку!»
И вот Георг простился со всеми; отправился прощаться и наверх к генералу. Генеральша не показалась — у нее опять была мигрень. Генерал же на прощанье рассказал молодому человеку

единственный свой анекдот о том, что он сказал принцу и что принц ему, а затем протянул Георгу два пальца.
Эмилия тоже подала Георгу ручку и выглядела как будто печальной, но сам Георг был печальнее всех.
Время идет и в деле, и в безделье; время проходит одинаково, только не с одинаковой пользой. Для Георга оно проходило с пользой и совсем не казалось долгим, исключая тех минут, когда он вспоминал о своих. Как-то они там поживают все — и нижние, и верхние? Положим, он получал из дома письма, а в письма можно вложить многое, из них льются в сердце солнечные лучи, от них же на сердце ложится тяжелая мгла. Такая мгла легла на сердце молодого человека, когда он получил письмо, извещавшее о смерти его отца. Мать осталась вдовой. Эмилия была для нее ангелом-утешителем, спускалась к ней в подвал, писала мать, и сама устроила так, что должность привратницы осталась за вдовой покойного.
Генеральша вела дневник. Туда записывался каждый прием, каждый бал, на которых она была, а также все визиты знакомых к ней. Иллюстрациями к дневнику служили карточки дипломатов и других высокопоставленных особ. Генеральша гордилась своим дневником, и он все рос да рос в объеме с течением времени — в течение многих, многих дней, мигреней и бессонных ночей, то есть придворных балов. Наконец, и Эмилию повезли на придворный бал. Мамаша была в розовом с черными кружевами — в испанском вкусе! Дочка — вся в белом, такая прозрачная, изящная! В золотых локонах вилась, словно водоросль, зеленая шелковая лента, на головке красовался венок из белых кувшинок. Глазки у девушки были такие голубые, ясные, ротик нежный, пунцовый — ну, ни дать ни взять морская царевна; прелесть что такое! Три принца танцевали с нею; конечно, не все зараз, а по очереди. У генеральши целую неделю не было мигрени.
Но первый бал был не последний, а Эмилии это оказалось не по силам. Хорошо что подоспело лето и можно было отдохнуть на лоне природы.
Вся генеральская семья была приглашена погостить в графский замок.
Графский сад стоило посмотреть. Одна часть его была разбита в старинном вкусе: всюду шли, точно зеленые ширмы, прямые подстриженные живые изгороди, а в них были понаделаны круглые отверстия, вроде слуховых окошечек; буксбаум и тисовые деревца были подстрижены в виде звезд и пирамид; там и сям виднелись обложенные раковинами гроты, а в глубине их били фонтаны; всюду красовались статуи из массивного гранита — это видно было и по драпировкам, и по лицам. Каждая цветочная клумба также имела свою форму — рыбы, герба, инициала. Эта часть сада была во французском вкусе. Из нее же попадали в свежий, роскошный парк, где деревья росли, как хотели, и потому разрослись на славу, густые, огромные! Трава тут так и зеленела, и по ней можно было ходить, даром что и за нею всячески ухаживали. Это было уж в английском вкусе.
— Старина и современность! — говорил граф. — Тут они отлично гармонируют друг с другом! А вот года через два и вся усадьба примет иной вид; будет предпринято столько разных перемен и улучшений! Я покажу вам чертежи и рисунки, да и самого архитектора, кстати. Он сегодня обедает у меня!
— Charmant! — сказал генерал.
— Тут просто рай земной! — сказала генеральша. — А вот и древний замок!
— Это птичник! — сказал граф. — В башне помещаются голуби, во втором этаже индейки, а в первом живет сама повелительница этого птичьего царства, старуха Эльза. Из ее помещения во все стороны идут двери в помещения ее постояльцев. Наседки на яйцах помещаются особо, наседки с цыплятами особо, а для уток сделан даже особый ход к воде!
— Charmant! — сказал генерал.
И все отправились любоваться на эту прелесть.

Старуха Эльза стояла посреди горницы, а рядом с нею архитектор Георг. Вот где довелось ему встретиться с Эмилией после стольких лет разлуки — в птичнике.
Да, он стоял тут, и на него можно было залюбоваться — такой красивый! Открытое, энергичное лицо, черные блестящие волосы и плутовская усмешка на губах, так и говорившая: «знаю я вас всех вдоль и поперек!» Старуха Эльза заблаговременно сняла свои деревянные башмаки и осталась в одних чулках из почтения к знатным гостям. Куры кудахтали, петухи кричали, утки крякали: рап! рап! Изящная молодая девушка, подруга детства, генеральская дочка, стояла тут же, и на ее обыкновенно бледных щечках цвели розы, глазки так и сияли, уста говорили без слов, и она поклонилась молодому архитектору так мило, как только может этого пожелать молодой человек, если он не в родстве с молодою девушкой или не танцевал с нею очень часто на балах. А Георг ведь ни разу не танцевал с Эмилией.
Граф же пожал ему руку и представил гостям:
— Наш молодой друг господин Георг, не совсем чужой вам! Генеральша поклонилась, дочка чуть было не протянула ему руку.
— Так это наш господин Георг! — сказал генерал. — Как же, мы старые знакомые, соседями были! Charmant!
— Вы совсем превратились в итальянца! — заметила генеральша. — И, верно, говорите по-итальянски, как уроженец Италии?
Сама генеральша — заметил генерал — только пела по-итальянски, а не говорила.
За столом Георг сидел по правую руку Эмилии. Вел же ее к столу сам генерал, а граф вел генеральшу.
Господин Георг вел беседу, рассказывал, и прекрасно рассказывал. Он был душой всего общества, хотя граф тоже мог бы постоять за себя в этом отношении. Эмилия молчала, вся превратившись в слух, а глаза ее так и блестели.
После обеда она и Георг очутились на террасе; высокие кусты роз скрывали их от взоров остального общества. Георг заговорил первый.
— Позвольте поблагодарить вас за ваше дружеское отношение к моей матери! — начал он. — Я знаю, что в ночь смерти моего отца вы не оставляли ее, пока он не закрыл глаза. Благодарю вас!
И он взял ручку Эмилии и поцеловал. Что ж, это было вполне кстати. Девушка вся вспыхнула, но все-таки пожала в ответ его руку и взглянула на него своими славными голубыми глазами.
— Ваша матушка была такая милая! Как она любила вас! Она давала мне читать все ваши письма, так что я, пожалуй, немножко знаю вас!.. Как вы были добры ко мне в детстве, дарили мне картинки!..
— А вы их рвали! — подхватил Георг.
— Нет, «мой замок» еще цел! — ответила она.
— Теперь я могу построить вам настоящий! — сказал Георг с увлечением.
Генерал и генеральша разговаривали в своей комнате о сыне привратника. Как он умел держать себя, как говорил, какие приобрел познания!
— Он мог бы быть «информатором»! — сказал генерал.
— Гений! — сказала генеральша и больше не прибавила ни слова.
Хорошее выдалось лето! Господин Георг был в графском замке частым и желанным гостем. О нем скучали, если он не являлся.
— Как щедро одарил вас Господь в сравнении с нами, бедными! — говорила ему Эмилия. — А цените ли вы это как следует?
Георгу очень льстил такой взгляд, и он сам считал прелестную молодую девушку необыкновенно даровитой натурой.

А генерал все больше и больше убеждался в том, что Георг не мог быть такого низкого происхождения.
— Но, конечно, мать его была женщина вполне почтенная! — прибавлял он. — Надо отдать справедливость ее могиле!
Лето прошло, наступила зима, и господин Георг опять заставил о себе говорить. Он был принят в лучших домах, у самых знатных особ.
Генерал встретил его даже на придворном балу. Для Эмилии тоже предполагали сделать бал. Пригласить ли на него Георга?
— Кого приглашает король, может пригласить и генерал! — сказал генерал и выпрямился так, что вырос на целый вершок.
Георга пригласили, и он был на балу. Были там и принцы, и графы. Один танцевал лучше другого, но Эмилии удалось протанцевать только первый танец: она как-то неловко ступила на ногу и, хотя повредила ее неопасно, должна была все-таки поберечься и не танцевать больше. Пришлось сидеть да любоваться на других. Она и сидела и любовалась, а господин архитектор стоял возле.
— Вы, пожалуй, распишете ей весь собор Св. Петра! — сказал генерал, проходя мимо и благосклонно улыбаясь.
С той же благосклонной улыбкой принял он господина Георга и несколько дней спустя. Молодой человек явился, разумеется, поблагодарить за приглашение на бал, а то зачем же? Но... о ужас, о безумие! Генерал не верил своим ушам. Господин Георг ударился в «высшую декламацию», просьба его была неслыханная! Он просил руки Эмилии!
— Молодой человек! — сказал генерал, покраснев, как рак. — Я вас не понимаю!.. Что вы говорите?.. Чего вы хотите?.. Я вас не знаю!.. Господин!.. Молодой человек!.. Вы врываетесь в мой дом!.. Я здесь хозяин или вы?.. Куда мне деться?..
И он, пятясь, дошел до дверей своей спальни, переступил порог и запер за собою дверь на ключ, оставив Георга одного. Молодой человек постоял с минуту, потом повернулся и ушел. В коридоре его встретила Эмилия.
— Что он сказал? — спросила она дрожащим голосом. Георг пожал ей руку:
— Он убежал от меня! Но будем надеяться на лучшие времена!
У Эмилии выступили на глазах слезы; в глазах же молодого человека светились уверенность и мужество. А солнышко озаряло обоих, словно благословляя их.
Генерал сидел в своей комнате, точно ошпаренный. В груди у него так и клокотало еще. «Безумие! Привратницкое сумасшествие!.. »
Не прошло и часа, как генеральша узнала от супруга обо всем, позвала Эмилию и усадила ее возле себя.
— Бедное дитя! Так оскорбить тебя! Оскорбить нас! Ты тоже плачешь!.. Слезы так идут к тебе! Ты прелестна в слезах! Ты похожа на меня в день моей свадьбы! Плачь, плачь, моя дорогая!
— И буду плакать, — ответила Эмилия, — если вы с папой не дадите своего согласия!
— Дитя! — воскликнула генеральша. — Ты нездорова! Ты бредишь! Ах, у меня опять разболится голова! Этот удар!.. Не заставь свою мать умереть с горя, Эмилия! Тогда у тебя не будет матери!
И у генеральши навернулись слезы — она совсем не выносила мысли о своей смерти.
В газетах было опубликовано о разных назначениях, между прочим и о назначении профессором и возведении в чин пятого класса архитектора Георга.
— Жалко, что родители его уж в могиле и не могут прочесть этого! — сказали новые привратник и привратница, жившие в подвале под генералом. Они знали, что профессор увидел свет в их каморке.
— Теперь его занесут в табель о рангах, и ему придется платить налог! — продолжала жена. — Да,

это много значит для сына таких бедняков!
— Восемнадцать талеров в год! — сказал муж. — Конечно, деньги не малые.
— Нет, я не о том, я насчет почета! — возразила жена. — Что ему эти деньги! Он их заработает много больше в год! И уж, конечно, возьмет богатую невесту. Будь у нас дети, муженек, наш сын тоже бы мог стать архитектором и профессором!
Хорошо отзывались о Георге в подвале; хорошо отзывались о нем и в бельэтаже; там это позволил себе старый граф.
Поводом послужили детские рисунки архитектора. Почему же о них зашел разговор? Да вот, заговорили о России, о Москве, ну, дошли и до Кремля, который когда-то нарисовал и подарил Эмилии Георг. Он дарил ей много картинок, но из них особенно запечатлелась в памяти у графа одна: «Эмилин замок», с комнатами, где «она спала», «танцевала» и «играла в гости». И вот граф высказал, что профессор одарен большим талантом и, наверно, умрет в высоком чине. В этом нет ничего невозможного! Так почему ж бы ему и в самом деле не построить замка для молодой девицы?
— Граф был сегодня необыкновенно шутливо настроен! — заметила генеральша по уходе графа.
Генерал покачал головой, выехал на прогулку верхом в сопровождении лакея на почтительном расстоянии — и посадка его была еще величественнее обыкновенного.
Настал день рождения Эмилии; посыпались цветы, книги, письма, визитные карточки. Генеральша поцеловала дочь в губки, генерал в лоб: они были нежные родители. Семью осчастливили в этот день посещением высокие гости — двое из принцев. Говорили о балах, о театре, о дипломатических назначениях, о политике. Говорили и о выдающихся деятелях — и чужих, и своих; тут уж и молодой профессор сам собой подвернулся на язык. «Он вступит в храм бессмертия! Вступит, вероятно, и в одну из лучших наших фамилий!» Вот что было между прочим сказано о нем.
— В одну из лучших фамилий! — повторил генерал, когда остался один с генеральшей. — В какую же бы это?
— Я знаю, на какую намекали! — ответила генеральша. — Но не скажу! И думать не хочу! Конечно, один Бог знает... Но я буду очень удивлена!
— И я тоже! Я даже и представить себе ничего не могу!.. — сказал генерал и стал выжидать минуту просветления.
А ведь, в самом деле, невыразимая сила кроется в милости свыше, в благоволении двора, знаменующем и Божье благоволение! И благоволение это выпало на долю Георга в самых широких размерах. Но мы забыли о дне рождения!..
Комната Эмилии утопала в цветах, присланных от друзей и подруг; на столе лежали прекрасные подарки, свидетельствовавшие о памяти и дружбе. Но от Георга не было и не могло быть ничего; да и зачем? Дом и без того был полон воспоминаниями о нем. Цветок воспоминания выглядывал даже из чуланчика под лестницей, где плакала Эмилия, когда в детской загорелись занавески, а Георг явился первым пожарным. Из окна была видна акация, тоже воскрешавшая воспоминания детства. На ней не было теперь ни цветов, ни листьев, только бахрома из инея, так что дерево напоминало гигантскую коралловую ветвь. Месяц просвечивал между ветвями, все такой же большой, яркий! Он, несмотря на всю свою изменчивость, ничуть не изменился с того времени, когда Георг делился с Эмилией бутербродом.
Молодая девушка вынула из ящика рисунки «Кремль» и «Эмилин замок». Они тоже говорили о Георге, и она загляделась на них. Много дум пробудили в ней они! Ей припомнилось, как она тайком от родителей спустилась вниз к жене привратника, лежавшей на смертном одре, как села возле нее, взяла ее за руку и приняла ее последний вздох, ее последнюю молитву: «Георг...

благословляю!.. » Мать думала только о сыне, но Эмилия вложила в ее слова особенный смысл. Да, Георг провел-таки с Эмилией день ее рождения!
На другой день тоже случилось рождение — рождение самого генерала. Он родился днем позже своей дочери — конечно, многими годами раньше. Опять посыпались подарки. В числе их было превосходное, необыкновенно удобное и дорогое седло; такое имелось пока только у одного из принцев. Кто бы это мог прислать его? Генерал был от него в полном восхищении. К седлу была приложена записка. Гласи она: «Merci за вчерашнее!» — все догадались бы, от кого оно было, но она гласила: «От лица, которого господин генерал не знает!»
— Кого же я не знаю в свете? — сказал генерал. — Всех знаю! — И мысли его отправились гулять по большому свету. Нет, там он знал всех. — Это от жены! — решил он наконец. — Она вздумала интриговать меня! Charmant!
Но она и не думала интриговать его — миновала эта пора.
Опять готовилось празднество, но уж не у генерала, а у одного из принцев. Назначен был костюмированный бал; разрешалось быть и в масках.
Генерал явился Рубенсом, в испанском костюме, с небольшим стоячим воротником, при шпаге, щеголяя своей осанкой. Генеральша изображала супругу Рубенса и задыхалась от жары в закрытом черном бархатном платье, с жерновом на шее, т. е. с большим плоеным воротником. Костюм был скопирован с картины фламандского художника, принадлежавшей генералу; на картине особенно хороши были руки, а руки генеральши были точь-в-точь такие же.
Эмилия, вся в тюле и кружевах, изображала Психею. Она напоминала порхающую лебяжью пушинку и совсем не нуждалась в крылышках, составлявших принадлежность костюма Психеи.
Что это был за бал! Что за блеск, что за великолепие! Какие цветы, сколько вкуса! Глаза разбегались, где уж тут было смотреть на руки прекрасной супруги Рубенса!
Черное домино, с веткой акации на капюшоне, танцевало с Психеей.
— Кто это? — спросила генеральша.
— Его королевское высочество! — ответил генерал. — Я уверен в этом; я сразу узнал его по рукопожатию!
Генеральша сомневалась. Генерал Рубенс ничуть, подошел к черному домино и начертил на его ладони инициалы принца. Тот отрицательно покачал головой, но дал намек:
— Записка при седле! Лицо, которого генерал не знает!
— Но тогда я вас знаю! — сказал генерал. — Это вы прислали мне седло!
Домино подняло правую руку и исчезло в толпе.
— Кто это черное домино, Эмилия? — спросила генеральша. — Ты сейчас с ним танцевала!
— А я не спросила его имени! — ответила дочь.
— Потому что знала его! Это профессор!.. Ваш протеже, граф, здесь! — продолжала генеральша, обращаясь к графу, стоявшему возле. — Черное домино с веткой акации!
— Очень возможно! — ответил он. — Впрочем, один из принцев одет точно так же!
— Я узнал его по рукопожатию! — настаивал генерал. — От принца же я получил и седло. Я так уверен в этом, что приглашу его к нам обедать!
— Что ж, сделайте так! Если это принц — он придет! — ответил граф.
— А если это тот... другой, он не придет! — сказал генерал и приблизился к черному домино, которое только что кончило беседовать с королем. Генерал обратился к домино с почтительным приглашением, выражая желание познакомиться с ним поближе. Генерал говорил так громко, отчетливо, так самоуверенно улыбался при этом: он знал ведь, кого приглашал!
Домино сняло маску; это был Георг.
— Повторит ли генерал свое приглашение? — спросил он. Генерал словно вырос на целый вершок,

осанка его стала еще величественнее; он отступил на два шага назад, потом сделал шаг вперед, точно в менуэте, и на лице его появилось самое знаменательное выражение, какое только он вообще мог придать своим благородным генеральским чертам.
— Я никогда не беру своих слов назад! Профессор приглашен!
И он удалился, косясь на короля, который, наверное, слышал весь разговор.
Обед у генерала состоялся; приглашены были только старик граф да его протеже.
«Теперь лед проломан!» — думал Георг. И лед действительно был проломан при самой торжественной обстановке.
Да, молодой человек снова появился в доме генерала и говорил и держал себя совсем как человек из лучшего общества — генерал не мог этого не видеть. Кроме того, он оказался в высшей степени интересным собеседником, так что генералу несколько раз пришлось прибегнуть к своему восклицанию: «Charmant!» Генеральша не преминула рассказать об этом обеде в обществе, и одна из самых умных и уважаемых придворных дам выразила генеральше желание обедать у нее в следующий же раз, как будет приглашен молодой профессор. Пришлось снова пригласить его. Он принял приглашение и был опять в высшей степени мил; оказалось даже, что он играет в шахматы!
— Положительно он не подвального происхождения! — сказал генерал. — Наверное, он сын знатной особы! Таких сыновей много, и молодой человек тут ни при чем.
Профессор, бывавший при дворе у короля, мог, конечно, бывать у генерала, но предполагать, что он пустит в семье корни?! Об этом не могло быть и речи — в доме, в городе же только о том и говорили.
Он и пустил-таки корни!
Милость свыше пролилась на него, и когда он сделался статским советником, Эмилия сделалась статской советницей, что никого не удивило.
— Жизнь либо трагедия, либо комедия! — сказал генерал. — В трагедии влюбленные умирают, в комедии сочетаются браком.
Георг с Эмилией сочетались, и у них родилось трое славных мальчуганов — не зараз, конечно. Милые детки, бывая в гостях у дедушки и бабушки, ездили по всем комнатам и залам верхом на палочках, а за ними гарцевал на палочке и сам генерал — «в качестве жокея маленьких статских советников!»
Генеральша же сидела на диване и улыбалась, глядя на внуков, даже в те дни, когда страдала своей «ужасной мигренью».
Так вот как далеко пошел Георг. Да он пошел и еще дальше, иначе не стоило бы и разговор заводить о сыне привратника!